

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ РОССИИ И ПОЛЬШИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ВЕРСАЛЬСКО-РИЖСКОМУ МЕЖДУНАРОДНОМУ ПОРЯДКУ (1921–1923 гг.)

Н. Н. Мезга

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории
Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины

В статье охарактеризована политика Советской России и Польши по отношению к международному порядку, сформировавшемуся в Центрально-Восточной Европе в период становления Версальской системы. Установлено, что международная ситуация в регионе в указанный период характеризовалась нестабильностью. Она порождалась в том числе и политикой, проводимой Россией и Польшей. Ряд границ между государствами Центрально-Восточной Европы не были общепризнанными, являлись объектами ревизионистских устремлений, что ставило под сомнение устойчивость территориального размежевания в регионе.

Ключевые слова: Версальская система, Рижский договор, Советская Россия, Польша, международные отношения, Центрально-Восточная Европа.

Введение

В основе методологии данного исследования лежит системный подход к изучению истории международных отношений. Указанный подход предполагает изучение истории внешней политики отдельных государств в контексте существующей системы международных отношений. В данном исследовании таковой является Версальско-Вашингтонская система международных отношений. Применительно к европейской подсистеме Версальско-Вашингтонской системы в силу ее значимости и автономии мы считаем правомерным рассмотрение Версальской системы, охватывавшей Европу и Ближний Восток, как самостоятельной системы, имеющей свою структуру. Каждая система международных отношений включает ряд подсистем. Одной из таковых для Версальской системы являлась Центрально-европейская. Она имела свою специфику по отношению к другим подсистемам. Здесь, на восточной периферии, Версальская система сталкивалась с Советской Россией, которая оказалась за бортом системы международных отношений, созданной странами-победительницами по итогам Первой мировой войны.

В регионе Центрально-Восточной Европы в проекты международного порядка, исходившие от государств ядра Версальской системы, вносились существенные корректировки странами региона. Это нашло отражение в ряде договоров, заключенных ими в период становления Версальской системы, в том числе и с участием Советской России. Среди них особую значимость для формирования новой системы международных отношений имел Рижский договор. В силу этого мы считаем правомерным говорить о формировании на восточной периферии Версальской системы особого Версальско-Рижского международного порядка. В данной статье поставлена цель охарактеризовать политику Советской России и Польши по отношению к данному порядку, выявить влияние этой политики на его устойчивость в период консолидации Версальской системы. Хронологические рамки исследования охватывают временной отрезок от заключения Рижского договора до политического кризиса в Германии осенью 1923 г., урегулирование которого открыло новый этап в развитии Версальской системы международных отношений.

Проблематика, рассматриваемая в данной статье, исследовалась рядом авторов. Среди белорусских историков отметим монографии В. Е. Снапковского [1], Г. Г. Лазько [2], О. Н. Боровской [3]. В российской историографии международная ситуация в Центрально-Восточной Европе основательно охарактеризована в исследованиях В. А. Зубачевского [4]. Среди польских историков развитие польско-советских отношений в контексте Версальской системы наиболее основательно исследовано в работах В. Матерского [5]. В названных работах основной акцент делался на характеристику двусторонних отношений и в меньшей степени рассматривалась внешняя политика государств региона в контексте формирования Версальской системы международных отношений.

Основная часть

Существовал комплекс факторов, которые определяли отношение к Версальско-Рижскому международному порядку правящих элит Советской России и Польши. Для советского государства одним из таких факторов являлась концепция мировой революции, которой придерживалось большевистское руководство. Однако заключение Рижского договора внесло существенные корректировки в её реализацию. Всё большее значение начинает приобретать реальная политика, вызванная необходимостью восстановления экономики России. Рижский договор, как справедливо замечает Виктор Зубачевский, стал шагом в этом направлении [4, с. 200]. Важную роль при определении советской внешней политики играл геополитический фактор. Для советской элиты сверхзадачей было восстановление геополитических позиций страны, которые она занимала к началу Первой мировой войны. Для этого предполагалось максимально использовать противоречия между капиталистическими государствами. Как отметил Иосиф Сталин на X съезде РКП(б), смысл существования НКВД заключается в том, чтобы учесть и использовать противоречия между старыми империалистическими государствами и новыми образовавшимися государствами [6, с. 186]. Один из ведущих советских дипломатов того времени Адольф Иоффе в докладе, направленном Г. Чичерину, В. Ленину, Л. Троцкому и Н. Крестинскому 10 декабря 1920 г., писал: «Но нас всегда спасает то, что наши противники имеют больше разногласий, нежели точек соприкосновения, и мы, умело пользуясь этим, можем всегда портить им всякие коалиции» [7].

Для польской элиты при определении внешней политики своей страны первостепенное значение имел геополитический фактор. Согласно Версальскому и Рижскому договорам, Польша приобрела значительные территории, которые раньше входили в состав соседних государств. Это вызывало в польской элите устойчивые опасения относительно реваншистских устремлений прежде всего двух великих соседей. Один из лидеров польских национальных демократов Роман Дмовский в этой связи подчеркивал, что Германии нужно, чтобы она, а не кто-то другой был западным соседом России. И главное препятствие на этом пути – Польша [8, с. 285]. Исходя из указанных обстоятельств Рижский договор рассматривался правящими кругами Польши

как базовый элемент польской политики безопасности в регионе [9, с. 12]. Этот договор, наряду с Версальским, оценивался как важнейший гарант независимости и территориальной целостности Польши. К тому же историческая память поляков содействовала формированию концепции двух врагов в лице России и Германии. Упрочение своего международного положения в силу названных причин Польша связывала со стабильностью Версальской системы с учетом польских интересов. Для этого считалось необходимым интегрировать в Версальскую систему и те элементы международного порядка в Центрально-Восточной Европе, которые были установлены Рижским договором и польской политикой свершившихся фактов в целом.

Достижение таких целей советской политики, как продвижение мировой революции и восстановление международных позиций России, напротив, вступало в противоречие с международным порядком в Центрально-Восточной Европе, установленным Версальским договором. И советская дипломатия пыталась использовать недовольство ряда стран и народов Версальским договором для достижения своих внешнеполитических целей. Владимир Ленин в выступлении на фракции РКП(б) VIII съезда советов 21 декабря 1920 г. заявил: «Мы ко всем угнетенным народам в целом должны обращаться с указанием – и это вытекает из Версальского договора, – что кучка стран душил другие народы и эти народы обращаются к нашей помощи открыто или прикрыто» [10, с. 259]. На IX Всероссийской конференции РКП(б) глава советского правительства однозначно обозначил в качестве приоритетной цели советской внешней политики сокрушение Версальского договора: «Мы уже надорвали Версальский договор и дорвем его при первом удобном случае» [11, с. 65]. Руководство Советской России болезненно воспринимало и границу, установленную Рижским договором. В. Ленин отмечал, что его заключение встретило сопротивление со стороны многих представителей руководства большевистской партии, и ему пришлось выдержать «жесткий бой», чтобы были приняты тяжелые для Советской России условия мира [12, с. 19]. В выступлении на IX Всероссийской конференции РКП(б) лидер большевиков также отметил вынужденность уступок Польше при заключении Рижского договора [11, с. 65], что подразумевало стремление в благоприятный момент пересмотреть его. Как

справедливо отмечает современный польский историк Войцех Матерский, Рижский договор был документом момента и отражал соотношение сил в пользу Польши во время его подписания [9, с. 12]. В дальнейшем соотношение сил изменялось в пользу советского государства, что должно было вести к усилению его стремления пересмотреть невыгодные положения Рижского договора.

Политика Советской России по отношению к Польше во многом строилась исходя из места последней в Версальской системе. Выступая 22 сентября 1920 г. на IX Всероссийской конференции РКП(б), В. Ленин отмечал: «Приближение нашей армии к Варшаве бесспорно доказало, что где-то близко к ней лежит центр мирового империализма, который покоится на Версальском договоре. Польша ... является настолько мощным фактором этой системы, что, когда Красная Армия поставила этот оплот под угрозу, зашаталась вся система» [13, с. 282]. Поэтому для советского руководства ослабление международных позиций Польши означало ослабление Версальской системы в целом, ликвидации которой оно добивалось в то время.

Центральным элементом польской внешней политики в рассматриваемый период являлось сохранение того порядка вещей, который был установлен после Первой мировой войны. Министр иностранных дел Польши Констант Скирмунт в инструкции для польских дипломатических представительств за границей в августе 1921 г. писал, что основа польской внешней политики – уважение договоров, которые завершили Первую мировую войну [14, с. 126]. К категории договоров, которые установили послевоенный порядок, правящие круги Польши относили и Рижский договор. При этом в польской политической элите и польском обществе было широко распространено мнение о компромиссном характере Рижского договора. Член польской делегации на переговорах в Риге Ю. Гласко писал, что на позицию Польши при обсуждении вопроса о границах влияло стремление достичь в Риге соглашения, которое не будет оспариваться российскими правительствами, которые придут к власти после большевиков [15, с. 39–40]. Однако в польских политических кругах не существовало уверенности, что Россия будет этот договор добросовестно выполнять. Даже министр иностранных дел Польши Мариам Сейда, выступая в комиссии сейма по иностранным делам по вопросу ратификации прелиминар-

ного Рижского договора, поставил под сомнение возможность мирного соглашения с большевистской Россией в принципе [16, с. 113]. В меморандуме начальника генерального штаба Владислава Сикорского от 19 января 1922 г. отношения с Советской Россией на основе соглашения признавались невозможными, т. к. Польша является для большевиков «препятствием для имперской политики в Западной Европе, препятствием, которое они не в состоянии уничтожить немедленно, но уничтожить которое следовало бы» [14, с. 184–188]

Для Польши ситуация с сохранением территориальной целостности усугублялась тем, что страны Антанты не признали её границ, установленных Рижским договором, как и включения в её состав в марте 1922 г. Виленьщины. Восточная Галиция, согласно решению Парижской конференции, была лишь на 25 лет передана под управление Польши. С самого начала создания Версальской системы Великобритания, одна из ведущих стран ядра этой системы, не связывала себя окончательным признанием территориального деления, произведенного в Версале касательно Центрально-Восточной Европы [17, с. 205]. Это относилось и к польской границе, установленной Рижским договором. В ходе визита польского министра иностранных дел Е. Сапеги в Лондон в феврале 1921 г. британский премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж заявил, что Великобритания признает польско-российскую границу, если это будет граница, установленная великими державами [18, с. 460]. Кроме того, международное положение Польши существенно зависело от единства Антанты, значимости в ней Франции. Это понимали и в Кремле. Нарком иностранных дел Георгий Чичерин писал в октябре 1921 г. полпреду в Варшаве о противоречиях между Англией и Францией и делал вывод, что «с распылением Антанты у Польши колеблется почва под ногами... Эта игра может стоить Польше слишком дорого» [19, с. 485, 486].

В советской политике происходило постоянное противостояние концепций подталкивания мировой революции и реальной политики, в основе которой были национальные интересы России и необходимость сотрудничества с Западом для восстановления её экономики. Элементом последней, как уже отмечалось, стало и подписание Рижского договора. В письме полпреду РСФСР в Литве Семёну Аралову 18 мая 1921 г. Г. Чичерин выражал обеспокоенность возможным отходом Польши

в тот момент от Рижского договора и подчёркивал: «Мы со своей стороны, конечно, всячески желаем мирных отношений с Польшей и будем всячески стараться их достигнуть» [19, с. 392]. На X съезде РКП(б) В. Ленин говорил уже не о подталкивании мировой революции, а о подготовке к ней. В резолюции этого съезда «Советская Республика в капиталистическом окружении» отмечалось: «Возможность новых, основанных на договорах и соглашениях, отношений между Советской Республикой и капиталистическими странами должна быть использована, в первую очередь, для поднятия производительных сил Республики, для улучшения положения главной производительной силы – рабочего класса» [6, с. 611]. В плане налаживания отношений с капиталистическими странами для советского руководства важно было отделить государственную внешнюю политику от деятельности Коминтерна. В этой связи показательное решение политбюро ЦК РКП(б) от 14 мая 1921 г.: «Безусловно запретить всякую нелегальную работу и деятельность как послам и ответственным должностным лицам Советских представительств за границей, так и курьерам и всяким другим служащим» [11, с. 76]. О курсе советского руководства в направлении реальной политики свидетельствует и директива политбюро от 21 июня 1921 г., в которой говорилось: «ЦК обращает внимание т. т. коммунистов Эстонии, Латвии и Литвы на то, что им необходимо сообразовать свою политику с особенностями международного положения РСФСР... ЦК просит коммунистов Эстонии, Латвии и Литвы проявлять наибольшую осмотрительность как во внешней, так и во внутренней политике, приняв во внимание указание ЦК РКП о том, что в настоящий момент не может быть и речи о военной помощи им со стороны РСФСР» [20, с. 206].

Новая тенденция в советской внешней политике была замечена и польскими дипломатами, которые отмечали в декабре 1921 г.: «Совнарком начал новую тактику в своей международной политике... Она защищается Лениным, Красиным и Рыковым» [4, с. 208, 213–214]. Накануне Генуэзской конференции 25 февраля 1922 г. Г. Чичерин писал: «Наша дипломатия преследует в конечном счете производственные цели, нашу внешнюю политику мы постоянно характеризуем как производственную политику, ставящую себе целью способствовать интересам производства в России» [21, с. 349]. Но В. Ленин при этом

предлагал добиваться на конференции в Генуе отмены Версальского и остальных мирных договоров [22, с. 87, 89].

Рижский договор влиял и на решение Виленского вопроса, являвшегося одним из факторов нестабильности в Центрально-Восточной Европе. Предпринимались попытки решить этот вопрос с помощью Антанты, Лиги Наций, т. е. в рамках Версальской системы. Однако они не увенчались успехом. Россия пыталась выступать активным участником решения Виленского вопроса, в том числе и ссылаясь на Рижский договор. 8 ноября 1921 г. состоялся обмен нотами между поверенным в делах Литвы в РСФСР и наркомом иностранных дел Советской России. Г. Чичерин выразил удовлетворение тем, что литовское правительство отвергло проект Гиманса по виленскому вопросу [23, с. 72].

На заседании политического комитета польского правительства 7 февраля 1922 г. обсуждалась подготовка к Генуэзской конференции. Представитель Польши в Лиге Наций Шимон Аскенази отметил зависимость Польши при решении виленского вопроса от Антанты (согласно статье 87 Версальского договора), от Советской России (согласно Рижскому договору) и от Лиги Наций. По его мнению, великие государства определяют необходимость решения виленского вопроса таким образом, чтобы оно не преграждало дороги к урегулированию отношений между Ковеньщиной и Польшей [24, с. 54]. Польско-литовский территориальный спор оставался нерешенным. На Генуэзской конференции представители Литвы заявили, что литовские границы «установил договор с Россией от 12 июля 1920 года, а между Литвой и Польшей находится военный фронт» [4, с. 234, 235]. Для Польши крайне актуальной задачей сохранения контроля над Вильно оставалась и с точки зрения удержания коридора, отделяющего Россию от Литвы и Германии. Это препятствовало эффективному сотрудничеству между названными странами, которое могло представлять угрозу для послевоенного международного порядка в Центрально-Восточной Европе. В марте 1923 г. начальник польского генерального штаба Станислав Галлер высказывал опасения относительно усиления русско-немецкого влияния в Латвии и Литве настолько, что они утратят независимость и «тогда не удастся удержать наш коридор и Вильно» [25, с. 275].

Главное, о чем стремилась договориться Польша с другими государствами накануне

Генуэзской конференции – защита заключенных договоров и недопущение дискуссий по ним [26, с. 193–194]. В число этих договоров попадал и Рижский. Отсутствие дискуссий по нему в Генуе позволяло избежать и постановки вопроса о польской восточной границе. А польская дипломатия не исключала такой возможности. В донесении польского посольства в Берлине сообщалось о намерении советской делегации в Генуе выступить совместно с Германией за принадлежность Вильно Литве [27, і. 13]. 15 апреля польскому правительству была направлена советская нота, в которой заявлялось, что Рижский договор не отменил советско-литовский договор от 12 июля 1920 г., согласно которому Вильно признано частью Литвы [28, с. 221–222]. Советское руководство делало попытки использовать Генуэзскую конференцию, чтобы поставить под сомнение границы в Центрально-Восточной Европе. 14 мая В. Ленин направил Г. Чичерину телеграмму, в которой обращал внимание на необходимость «всемерно использовать постановку Д. Ллойд Джорджем вопроса о восточных границах Польши и Румынии, указывая, что эти границы – препятствие установлению мира, но делать это осторожно, дабы не навлечь нареканий об отступлении от Рижского договора» [23, с. 111].

В ходе Генуэзской конференции Советская Россия и Германия подписали Рапалльский договор. Он рассматривался в Москве гораздо шире, чем просто урегулирование советско-германских отношений. 29 апреля 1922 г. Г. Чичерин писал главе французской делегации в Генуе Луи Барту, что вышеупомянутый договор является, с точки зрения российского правительства, не чем иным, как началом ряда частных, особых договоров. Эти договоры должны служить базой для мира и равновесия во всём мире [10, с. 516], т. е. фактически ставился вопрос о замене системы международных отношений, созданной Версальским договором, новым международным порядком с помощью ряда двусторонних договоров, участником которых будет и Советская Россия.

Рурский кризис польское правительство использовало, чтобы добиться признания Западом своих восточных границ. Протокол, принятый Советом послов стран Антанты 15 марта 1923 г., признавал польско-советскую границу, установленную Рижским договором, а также включение в состав Польши Восточной Галиции и Вильно. Данное решение

содействовало стабилизации Версальской системы на её восточной периферии. Реакция в дипломатических кругах СССР на протокол от 15 марта 1923 г. была неоднозначной. Руководитель Берлинского пресс-бюро НКВД СССР С. Раевский в докладе в НКВД высказывал мнение, что завершение процесса международного признания польской границы «придаст неизбежно польской политике более уравновешенный, деловой характер, увеличит в ней удельный вес уравновешенных деловых кругов и, в частности, в области ее русской политики усилит влияние органических мирных течений» [19, с. 529]. Но официальное отражение получила советская позиция, демонстрировавшая незаинтересованность СССР в стабилизации ситуации с польской границей. Не имея возможности подвергать сомнению законность признания рижской границы, советское правительство направило свою критику против легитимизации включения в состав Польши Восточной Галиции. В ноте польскому правительству от 5 апреля 1923 г. Г. Чичерин подчеркнул, что советская сторона не считает для себя обязательным решение конференции послв Антанты о признании восточной границы Польши и будет руководствоваться в этом вопросе лишь постановлениями Рижского договора [29, с. 242].

Рурский кризис советское руководство пыталось использовать, как писал Г. Чичерин И. Сталину 19 января 1923 г., «деловым образом». Нарком предлагал не занимать однозначно прогерманской позиции. Если и поддерживать Германию, то за соответствующую компенсацию. 25 января политбюро приняло инструкцию для советской военной делегации, которая направлялась на переговоры в Берлин. Она предписывала не брать никаких политических обязательств по отношению к Германии [30, с. 100–102]. Однако данный подход к рурскому кризису был пересмотрен советским руководством в конце августа 1923 г. В Москве победил курс на подготовку революции в Германии в кратчайшее время. Победа германской революции рассматривалась в тот момент как решающий фактор в деле ликвидации Версальской системы. Тезисы, подготовленные Георгием Зиновьевым и принятые политбюро 23 сентября, провозглашали: «При создавшемся положении вещей во всей Европе и, в особенности, в свете надвигающейся пролетарской революции в Германии и возможности новой войны вполне своевременно выдвинуть лозунг Соединенных Шта-

тов рабоче-крестьянских республик Европы» [11, с. 193].

Советское руководство считало важным для победы германской революции невмешательство Польши в события в Германии. Для достижения этой цели СССР готов был даже поддержать территориальные претензии к Германии со стороны Варшавы. Польско-германская граница, установленная Версальским договором, не характеризовалась высокой степенью устойчивости. Германия, считая эту границу несправедливой, в начале 1920-х гг. не имела реальных возможностей добиваться её пересмотра. Польша также была не вполне удовлетворена своей западной границей, установленной в Версале. В частности, в польской элите присутствовали суждения о необходимости присоединения к Польше части Восточной Пруссии. Один из виднейших деятелей национальной демократической партии Станислав Грабский писал в те годы: «Польша не может, не имеет права забыть, что половина Восточной Пруссии – это край, заселённый прежде людьми по языку и происхождению польскими» [31, с. 111]. Об этих настроениях знали в Берлине, и в условиях рурского кризиса в германских правящих кругах стали звучать опасения, что Польша попытается захватить Восточную Пруссию. Германские политики еще в январе 1923 г. высказывали эти опасения советским представителям в Берлине Николаю Крестинскому и Карлу Радеку и пытались выяснить, в какой мере в случае конфликта с Польшей Германия может рассчитывать на советскую помощь [4, с. 243].

20 августа польский представитель в Москве Роман Кнольц сообщил в Варшаву о неофициальной беседе с К. Радеком в связи с возможным развитием событий в Германии. По словам Р. Кнольца, советский представитель предложил обсудить вопрос о присоединении к Польше части Восточной Пруссии в случае революции в Германии [14, с. 239–240]. Германский посол в Москве потребовал у заместителя наркома иностранных дел Максима Литвинова объяснений в связи с заявлениями Льва Троцкого о готовности спасти немецкую революцию путём уступок за счёт Германии Польше [4, с. 255]. Однако стабилизация обстановки в Германии окончательно похорила надежды на её советизацию и заставила большевиков возвращаться к реальной политике. Урегулирование рурского кризиса означало стабилизацию Версальско-Рижского международного порядка в Центрально-Восточной Европе.

Заключение

Таким образом, международная ситуация на восточной периферии Версальской системы определялась не только Версальским договором, но и соглашениями между государствами региона. Среди них особую значимость для формирования международного порядка в Центрально-Восточной Европе, наряду с Версальским договором, имел Рижский договор. При этом в регионе сложилась ситуация, когда положения отдельных договоров, особенно при решении территориальных вопросов, противоречили друг другу. Это подрывало стабильность сформировавшегося в Центрально-Восточной Европе международного порядка. Также дестабилизирующим фактором выступала политика России и Германии, направленная на ревизию Версальской системы в целом. В сложившейся ситуации не была гарантирована территориальная целостность государств региона, в первую очередь Польши, Литвы. Для советской политики характерно определенное противоречие относительно международного порядка, сложившегося в Центрально-Восточной Европе. С одной стороны, стратегическая цель Москвы заключалась в ревизии Версальской системы. Но, с другой стороны, в рамках реальной политики РСФСР нуждалась в определенной стабильности в регионе, что должно было содействовать ее хозяйственному восстановлению.

Политическая нестабильность в Центрально-Восточной Европе затрагивала и судьбу Беларуси. Её территория оказывалась полем противостояния между различными государствами региона, стремившимися либо укрепить сформировавшийся международный порядок, либо дестабилизировать ситуацию, изменить границы, что могло повлиять на государственную принадлежность белорусских территорий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Снапкоўскі, У. Е.* Шлях скрозь стагоддзе: беларуска-польскія адносіны 1918–2017 гг. / У. Е. Снапкоўскі. – Мн. : БДУ, 2017. – 287 с.
2. *Лазько, Р. Р.* Перад патопам. Еўрапейская палітыка Польшчы (1932–1939) / Р. Р. Лазько – Мінск : БДУ, 2000. – 354 с.
3. *Бароўская, В. М.* Беларускае пытанне на савецка-польскіх перагаворах, 1918–1921 гг. / В. М. Бароўская. – Мінск : Беларуская навука, 2017. – 268 с.
4. *Зубачевский, В. А.* Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX

- века): Геополитический аспект / В. А. Зубачевский. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2018. – 396 с.
5. *Materski, W.* Na widocze: II Rzeczpospolita wobec Sowietów, 1918–1943 / W. Materski. – Warszawa : Instytut Studiów Politycznych PAN RYTM, 2005. – 776 s.
6. Десятый съезд РКП(б): стенографический отчет. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1963. – 916 с.
7. Доклад А. А. Иоффе, направленный Г. В. Чичерину, В. И. Ленину, Л. Д. Троцкому, Н. Н. Крестинскому о взаимоотношениях с Польшей, Латвией и Эстонией. 10 ноября 1920 г. Л. 3. 5. // Польско-советская война. Рижский договор [Электронный ресурс]. – Режим доступа : pswar.rusarchives.ru. – Дата доступа 20.12.2023.
8. *Dmowski, R.* Świat powojenny i Polska / R. Dmowski. – Warszawa : Druk. F. Wyszynski i s-ka, 1931. – 384 s.
9. *Materski, W.* Traktat ryski – potencjalna baza regionalnego systemu bezpieczeństwa / W. Materski // Да 90-годдзя прыняцця Рызскага дагавора 1921 г. Матэрыялы з беларуска-польскіх узаемаадносін у XX ст. : зборнік навуковых прац III Міжнароднай навукова-гэарэтычнай канферэнцыі, Мінск, 9–10 чэрвеня 2011 г. / навук. рэд. Е. Расоўская, А. Вялікі. – Мн. : ТАА «Ковчег», 2011. – С. 12–21.
10. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора : сб. документов / редкол. : С. Дёрнберг, Х. Зайдевиц, И. Н. Земсков и др. : в 2 т. – М. : Политиздат, 1971. – Т. 2. – 596 с.
11. Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 960 с.
12. Воспоминания о В. И. Ленине : в 5 т. – М. : Издательство политической литературы, 1969. – Т. 5. – 560 с.
13. *Ленин, В. И.* Политический отчет ЦК РКП(б) на IX Всероссийской конференции РКП(б). 22 сентября 1920 г. // Полн. собр. соч. : в 55 т. – М. : Издат. полит. литерат., 1981. – Т. 41. – С. 281–285.
14. Dokumenty z dziejów polskiej polityki zagranicznej 1918–1939 : w 2 t. – Warszawa : Inst. Wyd. PAX., 1989. – Т. 1. 1918–1932. – 179 s.
15. *Kawalec, K.* Narodowa Demokracja wobec traktatu ryskiego / K. Kawalec // Traktat ryski 1921 roku po 75 latach : studia / Pod red. M. Wojciehowskiego. – Toruń : Wyd. Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1998. – S. 31–46.
16. *Stawecki, P.* Ratyfikacja umowy preliminarnej i Traktatu ryskiego przez sejm ustawodawczy / P. Stawecki // Traktat ryski 1921 roku po 75 latach : studia / pod red. M. Wojciehowskiego. – Toruń : Wyd. Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1998. – S. 111–123.
17. *Мальков, В. Л.* Версаль и его уроки / В. Л. Мальков // Первая мировая война: пролог XX века. – М. : Наука, 1998. – С. 202–210.
18. *Wyszczelski, L.* Wojna o polskie Kresy 1918–1921 / L. Wyszczelski. – Warszawa : Bellona, 2011. – 494 s.
19. Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. : сборник документов : в 4 т. / под общ. ред. М. М. Наринского, А. В. Мальгина. – М. : Аспект Пресс, 2017. – Т. 1. – 628 с.
20. Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927. Сборник документов / сост. : А. В. Квашонкин, О. В. Хлевнюк, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – 423 с.
21. Коминтерн и идея мировой революции. Документы. – М. : Наука, 1998. – 949 с.
22. *Хормач, И. А.* Советское государство на международной конференции в Женеве по экономическим и финансовым вопросам / И. А. Хормач // Новая и новейшая история. – 2020. – № 3. – С. 80–106.
23. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 4 т. – Мінск : Юніпак, 2012. – Т. 2. – 480 с.
24. O niepodległą i granice. Protokoły Komitetu Politycznego Rady Ministrów 1921–1926 / M. Jabłonowski, W. Janowski. – Warszawa – Pułtusk : Akademia Humanistyczna im. A. Gieysztor, 2004. – 547 s.
25. Документы и материалы по истории советско-польских отношений : в 14 т. – М. : Наука, 1966. – Т. 4. – 562 с.
26. *Mikulicz, S.* Polityczne manewry polskiej dyplomacji przed konferencją w Genewie 1922 / S. Mikulicz // Studia z najnowszych dziejów powojennych. – 1963. – Т. 3. – S. 191–208.
27. Depesza Ambasady RP w Berlinie w Ministerstwo Spraw Zagranicznych. 10 kwietnia 1922 r. // Archiwum Akt Nowych. MSZ. Sygn. 6629.
28. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1961. – Т. 5. – 807 с.
29. Документы внешней политики СССР : в 24 т. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1962. – Т. 6. – 671 с.
30. Москва – Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941 : сб. док. : в 3 т. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. – М. : Наука, 2011. – Т. 1. – 1031 с.
31. *Grabski, St.* Godziennych walk i rozważań / St. Grabski. – Poznań : Wielkopolska Księgarnia Nakładowa Karola Rzepenskiego, 1923. – 168 s.

Поступила в редакцию 18.01.2024 г.

Контакты: miazgamm65@gmail.com (Мезга Николай Николаевич)

Miazga M. M. THE POLITICS OF SOVIET RUSSIA AND POLAND IN RELATION TO THE VERSAILLES-RIGA INTERNATIONAL ORDER (1921–1923)

The article describes the policy of Soviet Russia and Poland in relation to the international order that was formed in Central and Eastern Europe during the formation of the Versailles system. It is established that the international situation in the region during this period was characterized by

instability. It was generated, among other things, by the policies pursued by Russia and Poland. A number of borders between the states of Central and Eastern Europe were not universally recognized, and were objects of revisionist aspirations, which called into question the stability of territorial demarcation in the region.

Keywords: Versailles system, Riga Treaty, Soviet Russia, Poland, international relations, Central and Eastern Europe.